

УДК 339.5.01
JEL: C4, F1, F6, L6, O1
DOI 10.33278/SAE-2020.book1.236-237

RUSSIA'S ECONOMIC POSITIONING IN GLOBAL VALUE CHAINS

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ СТОИМОСТИ

Artyom Yu. Teplyakov¹

ORCID 0000-0001-6775-1552

Артём Юрьевич Тепляков¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

The research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research
(Project No. 20-510-00026)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(Проект № 20-510-00026)

Keywords: *global value chains, national industrial competence*

Ключевые слова: *глобальные цепочки стоимости, национальная промышленная компетентность*

At the frontier of XX–XXI centuries in the social sciences in general and economic theory in particular the idea of the “normality” of post-industrial society began to dominate. However, the crisis 2008–2009 again actualized the problem of manufacturing recovery and development.

The research [2] introduced and substantiated the concept of “national industrial competence” and its two varieties – general and strategic: GNMC and SNMC, as well as proposed and used a methodology for calculating indexes on the basis of OECD statistical data. It reflected, on the one hand, the industrial development of the country, and on the other, its integration into global value chains (GVCs).

At the present time, it is possible to use more “recent” data [1], as well as to correct the previously proposed toolkit. The calculations made allow us assessing the global position of Russia in comparison with the largest (top 10 GDP in PPP, 2019) economies of the world.

The first thing I would like to draw your attention to is the fact that these countries have a relatively low level of integration into GVCs: from low (-2) for the United States to medium (0) for Russia, France and Germany. Obviously, this is due to the fact that the largest economies are much more self-sufficient than the economies of small and “forcedly open” countries such as Singapore, Czech Republic, Malaysia, etc.

Secondly, in general, the modern industry of Russia corresponds in terms of the level of industrialization,

На рубеже XX–XXI вв. в общественных науках в целом и экономической теории в частности стало доминировать представление о «нормальности» постиндустриального общества. Однако кризис 2008–2009 гг. снова актуализировал проблему промышленного восстановления и развития.

В работе [2] было введено и обосновано понятие «национальная промышленная компетентность» (и две его разновидности – общая и стратегическая: ОНПК и СНПК), а также на базе статистических данных ОЭСР была предложена и использована методология расчета индексов, отражающих, с одной стороны, промышленное развитие страны, а с другой – ее интеграцию в глобальные цепочки стоимости (ГЦС). В настоящее время появилась возможность обратиться к более «свежим» данным [1], а также скорректировать ранее предложенный инструментарий. Проведенные расчеты позволяют оценить глобальные позиции России по сравнению с крупнейшими (топ-10 ВВП по ППС, 2019) экономиками мира.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то обстоятельство, что данные страны имеют сравнительно невысокий уровень интеграции в ГЦС: от низкого (-2) для США до среднего (0) для России, Франции и Германии. Очевидно, это объясняется тем, что крупнейшие экономики на порядок более самодостаточны, нежели экономики малых и «вынужденно открытых» стран, таких как Сингапур, Чехия, Малайзия и т.п.

Во-вторых, в целом, современная промышленность России, соответствует по уровню индустриализа-

competitiveness and self-sufficiency of the national economy to such countries as Brazil, India, Indonesia and even France (the GNMC index is in the range from -2 to +2). Moreover, the UK has a significantly lower GNMC index than Russia (-4 and 0 for 2015, respectively).

Third, the high (relative to most of the world's largest economies, for which the GVC index varies from -2 to 0), the level of Russian industries' integration into the GVCs (the GVC index is 0), most likely, contributed to the preservation of manufacturing potential (albeit relative to the "bottom" of the 1990s).

At the same time, its "quality" has noticeably decreased. Thus, the level of SNMC for the Russian economy (-3), approximately corresponding in the mid-1990s to India (-4), slightly behind Brazil (-1) and well ahead of Indonesia (-10), two decades later turned out to be lower (-5) than other major economies in the world. At the same time Brazil, Great Britain, France and Japan showed negative dynamics during this period.

Fourth, Japan, according to the data, still the "leader" in terms of SNMC (this index is +10). Germany is coming to it with a strong increase in the SNMC in 1995–2005, most likely due to its beneficial participation in the European GVCs (the SNMC index changed from +6 to +9), as well as China, which made a "big jump" for the last 20 years (from -2 to +9) from the "group of middle peasants" to the "group of leaders".

Fifth, the US position in the GVCs is very interesting: without "forcing" its level of participation in them in 1995–2015 (the GVC index fell from -1 to -2) and at the same time losing their status as a manufacturing leader in the world (the GNMC index dropped from +7 to +4), it still managed to maintain their positions in high-tech industries (SNMC index fluctuated between +7 and +8 in the period under review).

Sixth, there are noticeable successes in India (an increase in the SNMC index from -4 to 0) and Indonesia (an increase in the SNMC index from -10 to -3), in general, probably connected with a moderate expansion in the GVC (the corresponding index for India increased from -2 to -1, and for Indonesia from -1 to 0 and then returned to -1 again). Thus, the proposed approach makes it possible to systematically assess the economic efficiency of a country's participation in GVCs.

ции, конкурентоспособности и самообеспеченности национальной экономики таким странам, как Бразилия, Индия, Индонезия и даже Франция (индекс ОНПК находится в интервале от -2 до +2). Причем Великобритания имеет значительно более низкий индекс ОНПК, чем Россия (-4 и 0 на 2015 год соответственно).

В-третьих, высокий (относительно большинства крупнейших экономик мира, для которых индекс ГЦС варьируется от -2 до 0) уровень интеграции российских отраслей в ГЦС (индекс ГЦС равен 0), по всей видимости, способствовал сохранению промышленного потенциала (правда, относительно «дна» 1990-х гг.).

Вместе с тем, его «качество» заметно снизилось. Так, уровень СНПК для российской экономики (-3), примерно соответствующий в середине 1990-х гг. Индии (-4), несколько уступающий Бразилии (-1) и сильно опережающий Индонезию (-10), через два десятилетия оказался ниже (-5), чем у других крупнейших экономик мира. Одновременно «негативную динамику» за этот период продемонстрировали Бразилия, Великобритания, Франция и Япония.

В-четвертых, Япония, согласно расчетам, удерживает «пальму первенства» по уровню СНПК (индекс СНПК равен +10). Ей «дышат в спину» Германия с уверенным ростом СНПК в 1995–2005 гг., по всей видимости, обусловленным ее выгодным участием в общеевропейских ГЦС (индекс СНПК изменился с +6 до +9), а также Китай, совершивший за 20 лет «рывок» (от -2 до +9) из «группы середнячков» в «группу лидеров».

В-пятых, весьма интересны позиции США в ГЦС: не «форсируя» свой уровень участия в них в 1995–2015 гг. (индекс ГЦС упал с -1 до -2) и одновременно утрачивая свой статус промышленного лидера мира (индекс ОНПК снизился с +7 до +4), им все же удалось сохранить стратегические «заделы» в высокотехнологичных отраслях (индекс СНПК в рассмотренном периоде колебался между +7 и +8).

В-шестых, заметны успехи Индии (рост индекса СНПК с -4 до 0) и Индонезии (увеличение индекса СНПК с -10 до -3), в целом, вероятно, связанные с умеренной экспансией в ГЦС (соответствующий индекс для Индии вырос с -2 до -1, а для Индонезии с -1 до 0 и снова вернулся к -1). Таким образом, предлагаемый подход позволяет системно оценить экономическую эффективность участия страны в ГЦС.

References / Библиография

1. OECD.Stat (2018). Trade in Value Added. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1 (data accessed: 27.11.2020).
2. Tolkachev S.A., Teplyakov A.Y. Global Added Value Chains and National Industrial Competence. The Economic Revival of Russia. 2017; 1(51): 63–81.
3. Principal indicators: 2018 edition / OECD, Trade in Value Added. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1 (дата обращения: 27.11.2020).
4. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Глобальные цепочки стоимости и национальная промышленная компетентность // Экономическое возрождение России. 2017. № 1. С. 63–81.

* Библиографический список указан в авторской редакции.